

Моск. комсомолю, 1977,  
Искра

ПО ПРОСЬБЕ КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС ИЗВЕСТ-  
НЫЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ В. РАСПУТИН ДЕЛИТ-  
СЯ СВОИМИ МЫСЛЯМИ О НРАВСТВЕННОМ ЗНАЧЕ-  
НИИ ЛИТЕРАТУРЫ, О МЕСТЕ ХУДОЖНИКА В ОБЩЕ-  
СТВЕ.

НАШИ  
НРАВСТВЕННЫЕ  
ПРИНЦИПЫ

## Валентин РАСПУТИН: НЕ ИЩУ ГЕРОЕВ НА СТОРОНЕ

СВОИ первый рассказ я написал в 24 года. Для человека это возраст достаточно взрослый, для прозаика — похоже, юношеская пора. Сейчас вообще наблюдается постарение молодого писателя, в особенности прозаика. Достаточно сказать, что к молодым до сих пор нередко относят и меня, и всех пишущих моего поколения, кому под сорок и даже за сорок. Объясняется это, по-видимому, тем, что действительно молодых и действительно талантливых прозаиков за последнее время в литературу пришло очень немного: имена, которые открываются областными, зональными и всесоюзными совещаниями молодых писателей, — это, как правило, люди, родившиеся еще до войны или сразу после войны, кому, стало быть, за тридцать.

Явление это нельзя объяснить какой-то одной причиной, их, очевидно, несколько, но одну я осмелюсь предположить: трудный хлеб нашего детства. Я уверен, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать все то, что и дает ему затем право взяться за перо. Образование, книги, жизненный опыт воспитывают и укрепляют в дальнейшем этот дар, но родиться ему следует в детстве. Да и всякий человек, чем бы он ни занимался, вынужден с годами признать, что с удивительным постоянством и чуть ли не упрямством всю жизнь он держится того, что было приобретено им в душевной практике до 14—15 лет. Если к этому времени душа пуста, она пустой и останется, будет заполняться при нужде суррогатами чувств, но не подлинными чувствами.

После университета семь лет проработал я в газетах, много и часто бывал на стройках, выпустил даже книжку очерков о людях этих строев. Но сразу же, как только ушел на профессиональную писательскую работу, стал писать о деревне. Тут нет ничего странного или необычного: я коренной сибиряк, здесь родился и вырос, здесь живу, и мне далеко не безразлична и судьба моей родной деревни, и тех многих деревень, которые ставили триста и четыреста лет назад первые покорители и поселенцы Сибири. Я понял, что о громких сибирских стройках, где работают люди со всех концов страны, не хуже моего, а пожалуй, и лучше рассказуют и рассказывают наезжие писатели, а о моих земляках, о людях и судьбах местного звучания и значения никто больше, быть может, писать не возьмется.

Стройки, научно-техническая революция, как принято говорить, веление времени, и никауда от него, от этого веления, не уйти. Но не следует и забывать о человеке, который в силу различных обстоятельств оказался к столь решительным переменам не подготовленным и не приспособленным, который собирался скромно и незаметно, как поколения до него, прожить свой век в тихом и небесполезном служении Родине. В этом смысле я вовсе не за патриархальность, в чем порой обвиняют и меня, и других так называемых «деревенщиков», не за то, чтобы и впредь веками оставалась старая деревня, рторованная от большой жизни, от культуры, лишенная, наконец, элементарных бытовых удобств, — я лишь за то, чтобы веками накопленный нравственный опыт старой деревни не канул бы вместе с ней неведомо куда, а был принят, осмыслен и продолжен дальше.

Нет и не может быть сейчас для литературы ничего важнее, чем проблемы нравственности. Еще Аристотель, как известно, говорил: «Если мы идем вперед в знании, но уступаем в нравственности, мы идем назад, а не вперед». И афоризм этот звучит сегодня как нельзя более современно. Совсем недавно считалось, что писатель — это поэт эпохи, но теперь приходится признать, что нет, не только поэт, любящий и прославляющий свою Родину, порой без любви и славы, но еще и мыслитель, и воспитатель, и тот не обозначенный пока другим словом пастор, заботящийся о добродетели своих прихожан, то есть читателей, любящий свою Родину подлинной любовью и болеющий о ее моральном здоровье искренне и заинтересованно. И, если мы станем считать вопросы нравственности второстепенными, тыловыми, нам неминуемо придется поворачивать назад, ибо тогда сам по себе превратится во фронт, а что значит фронт за спиной, понятно не только военным.

О нравственности сейчас говорят

много и по любому поводу, и это при всей серьезности предмета разговора становится похожим на «кампанию». Между тем литература всегда, во все времена, какими бы трудными они ни были, занималась и обязана заниматься вопросами человеческой морали — даже и не занимаясь, потому что это предполагает некое постоянное и нарочитое вмешательство, а она должна вытекать, происходить, как родник, из земли, из народной нравственности — на то она и литература. Все, что не подчинится этому условию, — элементарное чтение, пригодное лишь для потребления в дороге, чтобы убить время. Мне уже приходилось говорить свое мнение, что читатель учится у книг не жизни, не тому, как поступить в каждом отдельном случае, — он учится чувствовать. Литература — это не практическое руководство, а воспитание чувств, и прежде всего доброты, душевной отзывчивости, любви к родному краю. Ничто другое не может заменить хорошие книги в этой их невидимой, не учитываемой, но благородной службе, и, если литература берется иной раз подменять журналистику, думаю, что это вредит и литературе, и журналистике.

Литература, надо надеяться, занимается делом вечным. Она не донесла до нас образ строителя египетских пирамид и римского водопровода, зато сохранила, к счастью, страдания и мысли царя Эдипа, Клеопатры и Антигоны, Дон Кихота Ламанчского и принца датского; героев всех времен. Не стоит противопоставлять личную жизнь человека его производственной деятельности, но не стоит и забывать, что личная жизнь, чувствования и представления человека составляют главную часть его общей жизни.

Я далек от мысли считать, что-бы писатель, забравшись в дебри и тайны души своих героев, не выглядывал в мир божий и не видел, что в нем творится. Справедливо сказано: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Но я за то, чтобы подлинные человеческие чувства не подменялись выдуманскими и мелочными, чтобы подлинные проблемы, стоящие перед нами, не говорились шепотом или скороговоркой и чтобы рукой писателя водила правда, правда и одна только правда.

Искренность и боль — вот, видимо, главные условия развития и мужания таланта писателя, когда таковой есть. Если же ты со спокойной душой и холодным сердцем садишься за книгу, книги не получится, какие бы важные проблемы ты ни брал и каких бы копий над головами своих героев ни ломал. Процесс перевоплощения в иного человека и иную жизнь не столь простой и безболезненный, как порой предполагают, он требует крови и души, страданий и радости, любви и надежды на всех тех, кого писатель пускает в жизнь. Авторский произвол в таких случаях всегда заметен.

Не могу судить, насколько получаются или не получаются мои повести, но знаю, что своих героев — старуху Анну из «Последнего срока», старуху Дарью из «Прощания с матерью», Настену из «Живи и помни» я писал искренне и трудно, ни в чем по отношению к ним не кривя душой и относясь к их судьбам с доверием и пониманием. Только так, я считаю, могут получиться живые люди, в которых бы поверил читатель, чувства которых вызвали бы в нем ответные и более сильные чувства.

Я не ищу своих героев на стороне; я родился и вырос в сибирской деревне, из которой сумел показать только самую малость. Деревня эта превратилась теперь в большой рабочий поселок, в котором я постоянно бываю, но к которому еще даже и не подступал в своей литературной работе. Кроме того, больше двадцати лет живу в городе, и если бы мне было отпущено двадцать жизней, то и их не хватило бы, чтобы написать все, что хотелось бы о нем рассказать. Поэтому я не доверяю писателям, которые в поисках сюжетов и героев отправляются в дальние края и у которых толстовские «восемьдесят тысяч верст вокруг самого себя» сведены до расстояния до ближайшей билетной кассы. Тот, кто не умеет понять жизни рядом, не поймет ее и на стороне. В каждом из нас меньше сложностей и проблем, чем в самом большом государстве.

Отсюда, из этих последних слов, и мои дальнейшие творческие планы.